

А.Н.Кулик,
кандидат технических наук.
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Партийная демократия для России: встреча с будущим или ушедший поезд?¹

Все современные демократии на Западе — это демократии, созданные политическими партиями. Фундаментом партийной демократии служат три основных политических института: *представительное устройство власти; всеобщее избирательное право и политические партии*. Важнейшей характеристикой политического процесса является наличие альтернатив и возможности выбора между ними на политическом рынке. Предлагая альтернативные программы и кандидатов, партии позволяют обществу выбирать между различными вариантами будущего, которое они *обязуются* воплотить в случае победы. Политики от победившей партии, занимая ключевые позиции в государственных структурах в качестве доверенных лиц общества, *интегрируют* таким образом общество и государство. Выступая универсальным посредником между ними, партии сообщают *легитимность* власти и одновременно решают проблему *контроля* общества за тем, чтобы некоторое необходимое ограничение государством свободы граждан не подвергало опасности те права и свободы, защита которых является его основным предназначением.

Благодаря той роли, которую сыграли партии в становлении демократии на Западе, в России после самораспада однопартийного

---

¹ По материалам исследования, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 99-03-00-169а.

режима партийная демократия воспринималась как "наилучшая форма общественного управления, выработанная человеческой цивилизацией"¹, а нарождавшаяся многопартийность — как функциональный реquisiteм демократизации. Ожидалось, что она возьмет на себя системообразующие функции, которые выполняют партии в партийной демократии в рамках формулы "партии—выборы—власть" и сыграет ведущую роль в переходе страны к демократии. Уже в 1990 г. был принят Закон об общественных объединениях граждан, на основании которого стали оформляться политические партии.

С этого времени партии пережили август 1991 г., распад советской империи и образование Российской Федерации, политический кризис 1993 г. Они участвовали в работе Конституционного совещания и в национальном референдуме по новой конституции, провели две избирательные кампании по выборам в Государственную Думу, приняли активное участие в президентских выборах 1996 г., а также в региональных выборах 1996—1998 гг. Таким образом, партии прошли через все точки полифуркации, в которых было возможно изменение траектории трансформации политической системы.

Насыщенность прожитого партиями времени позволяет констатировать, что *многопартийность* как политический институт постсоветского общества состоялось. Однако, вопреки ожиданиям, появление партий и многопартийных выборов не привело к становлению партийной демократии, устранению недемократических практик правления и легитимации власти, по отношению к которой в обществе доминируют сегодня такие чувства, как недоверие, страх — 73%, протест — 63, безразличие — 50 и пессимизм — 49%². Россия, как впрочем и многие другие страны "третьей волны демократизации", не стала демократическим государством. В ней сформировалась система политической власти, которую различные исследователи определяют по-разному, как — "режим-гибрид", "авторитарная демократия", "режимная система" или "псевдодемократия"³. Однако при всем различии подходов они сходятся в том, что в этой системе, при наличии формально свободных выборов и легально действующих оппозиционных партий, власть ограждена от демократического контроля общества и царит произвол персонафицированного правления, отсутствуют реальное разделение и

¹ Бутенко А.П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России. М, 1997. С. 38.

² Власть и народ. Что показал всероссийский опрос // Российская Федерация. 1994. № 18. С. 10.

³ См., например: Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. Vol. 7. N 3; Шевцова Л. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. № 5; Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1

взаимная подотчетность ветвей власти, мобильность политической элиты. Атрибутами системы являются гипертрофированный объем полномочий исполнительной власти и рост, административного аппарата (в России — в 1,5—2 раза за последние годы); маргинальное положение парламента в системе принятия решений и слабость судебного надзора; неразрывность связей между политической, административной и нуворишской социоэкономической элитами и смещение государственных и частных постов, коррупция во всех эшелонах власти. Следствием проводимой системой политики являются свертывание социальных гарантий и резкий рост социального неравенства, криминализация общества и накопление нерешаемых социальных проблем.

Несбывшиеся надежды на то, что партии сыграют ведущую роль в консолидации демократии в России, принято оправдывать их "задержкой развития". При этом молчаливо предполагается, что они, наконец, "дозреют" до партий классического типа на Западе, с которыми их принято сравнивать, и (займут подобающее там место в обществе и государстве. Однако современные российские партии представляют собой не недоразвитую модель массовых влиятельных западных партий, какими те были в эпоху модернизации и становления гражданского общества, а *совершенно иной тип партии*. Этот тип сформировался в посткоммунистическом обществе под воздействием иных факторов. В отличие от западных партий, возникших как институт гражданского общества и демократизировавших систему государственного управления, партии в России стали порождением "квазидемократии", сложившейся из продуктов распада коммунистического режима, и "вписались" в отведенное им этой системой место.

Организация власти в политической системе России имеет по Конституции Российской Федерации в целом непартийный характер. Участие в ней партий ограничено их деятельностью в Думе, которая сама находится в зависимости от Совета Федерации, формируемого на принципе феодального представительства (глав исполнительной и законодательной властей субъектов Федерации). При этом законодательная власть Федерального Собрания подорвана правом Президента издавать указы, имеющие силу законов, и практикой издания исполнительной властью подзаконных документов, способных саботировать выполнение любых законов. Партии не имеют даже формальной возможности трансформировать потребности общества в эффективную деятельность власти. Поскольку ни парламентское большинство, ни парламентская коалиция не обладают правом формировать правительство, борьба партий на выборах и сами выборы лишаются основного смысла, которым они наделены в партийной демократии. Там выборы имеют

целью *смену правительства*, в России же выборы проходят — правительство остается, выборов нет — правительство меняется. Если в советской системе регулярные выборы являлись частью идеологической мифологии, в партийных демократиях — служат механизмом передачи власти, то в "квазидемократии" они стали элементом ее мимикрии для самосохранения. Постоянное искушение правящей элиты отменить или перенести выборы в своих интересах уравнивается только боязнью потерять легитимность в глазах мирового сообщества и лишиться его экономической помощи.

Победа на выборах все равно не дает партии возможность реализовать свою предвыборную программу. Поэтому теряется значение содержания программ в состязании партий. А поскольку статус Государственной Думы не позволяет партии контролировать деятельность правительства, теряется такой важный критерий для прагматического голосования граждан, как оценка партии по экономическим результатам работы сформированного и направляемого ею правительства за истекший срок¹. Лишь незначительная часть избирателей верит, что голосование, к которому их настойчиво призывают перед очередными выборами, способно что-то реально изменить в их жизни.

На парламентские партии распространяется отношение общества к Думе. По данным опроса (1997 г.), только 4% населения верят, что Дума принимает нужные для страны законы и решения, тогда как 26% полагают, что, хотя в ней и обсуждают нужные законы и решения, обеспечить их реализацию она все равно не в состоянии, а 47% считают, что Дума занимается бесполезными дебатами и выяснением отношений с исполнительной властью².

Однако даже при таком негативном отношении общества к деятельности Государственной Думы, партийные фракции, вопреки широко афишируемой оппозиционности правящей власти, ни разу не использовали предоставленную Конституцией Российской Федерации возможность отправить правительство в отставку, явно не желая подвергать себя превратностям, связанным с досрочными выборами и рисковать своим парламентским статусом. Ведь лишившись его, партия сразу же теряет возможность ежедневно участвовать в политическом торге с Президентом и правительством, использовать ресурсы государства, а также его административную и телекоммуника-

¹ В партийных демократиях выборы — это выбор не *пути*, по которому должна идти страна, а способов решения *конкретных проблем*. Основным рациональным критерием партийных предпочтений рядового избирателя служит предшествующий опыт — в какой мере партия, за которую он голосовал на прошлых выборах, выполнила свой "контрактно избирателями, и как это отразилось на его личном благополучии

² Московская правда. 1997. 2 июля.

ционную структуру для поддержки своих организаций, пользоваться услугами многочисленных помощников, постоянно напоминать о своем существовании с телевизионных экранов и бесплатно рекламировать себя в СМИ. Она выходит из игры и обречена скитаться по непопулярным митингам и расклеивать никем не читаемые листовки.

Будучи не в состоянии контролировать власть или сменить правительство через выборы ввиду несогласия с проводимым им политическим курсом, партии в отношениях с властью выступают как группы давления, преследующие прежде всего свои корпоративные интересы. К.Боровой, на пресс-конференции, посвященной коррупции среди парламентариев, назвал весь депутатский корпус закрытым акционерным обществом" (1997 г.) Если верить прессе, законодательная деятельность для депутатов становится устойчивым и едва ли не самым надежным источником пополнения личного и партийного бюджетов¹.

В Европе на протяжении веков демократизация политической системы шла параллельно с процессом социальной дифференциации и стратификации общества. С распространением избирательного права, когда широкие массы получили возможность участвовать в выборах, социальное размежевание транслировалось в политическую сферу и оформилось партиями. Сложившаяся в этом процессе "классическая" система партий просуществовала до конца 60-х годов XX в. В России коммунистический режим оставил после себя ничейную собственность и лишенный собственности, составляющей основу независимости общества от государства, тоталитарно-советский социум, который на протяжении жизни нескольких поколений находился под жестким политико-идеологическим пресом государственного социализма².

Отсутствие разнообразных групп интересов, оформляющих эти интересы структур гражданского общества, и, соответственно, гражданского самосознания, а также отчуждение общества от политического участия и его фрагментация после распада режима и утраты идентичности позволили сменившей режим системе правления выработать свои механизмы поддержания стабильности внутри правящего слоя и в обществе. В набор этих механизмов она встроила и политические партии, включая КПРФ, возглавляемую самой неблагополучной частью старой номенклатуры. Партийная

---

¹ *Ванденко И.* Мы говорим "депутат" — подразумеваем "брокер" // Известия. 1997. 30 мая.

² Известно, что одной из ключевых и наиболее ранних функций буржуазного государства стала защита частной собственности граждан. Коммунистический режим сломал формировавшееся в России буржуазное государство и уничтожил частную собственность, превратив граждан в подданных, тотально от него зависимых.

оппозиция стала элементом системы не представляющим серьезной альтернативы конкурирующим группировкам правящей элиты в механизме принятия решений. На IV Симпозиуме в 1997 г. Т.Заславская отмечала серьезный откат в области политической демократии после 1993 г., т.е. как раз после того времени, когда партии получили доступ в парламента¹.

Становление партий на Западе было результатом естественно-го развития общества. Многопартийная электоральная система в постсоветской России в значительной мере была *установлена властью сверху*. Партии, возникшие после распада коммунистического режима на поверхности фрагментированного общества, поддерживались властью в расчете на то, чтобы сделать политический процесс более *манипулируемым*. Ставшее водоразделом в формировании многопартийности "бронирование" половины мест в Государственной Думе первого созыва за партиями было установлено Президентом по соображениям ситуативной политической целесообразности. Он рассчитывал, что в условиях действия дискриминационного по отношению к оппозиции Указа о мерах по обеспечению безопасности в период проведения избирательной кампании такие "правила игры" обеспечат избрание лояльного ему большинства. Массовое же сознание накануне выборов почти не дифференцировало партии, платформы, фракции. Накануне следующих выборов власть предпринимает попытку создания двухпартийной системы, в которой правоцентристский блок должен был возглавить глава правительства, а левоцентристское объединение — спикер Государственной Думы. Предполагалось, что в результате эти партии — "левой и правой руки" (власти), как их окрестили СМИ, — займут основную часть политического пространства, оттеснив за 5%-ный барьер тех, кто не пожелает к ним присоединиться.

Маргинальность роли партий в процессе принятия решений еще сильнее проявляется в регионах. Пропорциональная система выборов, которая институционализовала участие партий в политическом процессе на федеральном уровне, сохраняется только в четырех из 89 субъектов Федерации. В остальных кланово-корпоративный принцип организации общества доминирует над партийно-политическим. Как отмечает М.Афанасьев, "Региональные парламенты в нынешнем виде служат местом встречи власти и крупного капитала, где оформляется их корпоративная уния"². При сохранении существующей тенденции "...политическое противостоя-

---

¹ Заславская Т.И. Социальная структура России: Главные направления перемен // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 168—175.

² Афанасьев М. От вольных орд до ханской ставки // Pro et contra. М., 1998. Лето. С. 5—20.

ние на региональных выборах вскоре окончательно сменится конкуренцией финансово-промышленных групп"¹. Административная и деловая элиты активно входят в публичную политику и добиваются успеха на выборах в региональные органы власти без посредников в лице партий. Для партий эта тенденция имеет катастрофические последствия. Когда партийная принадлежность не увеличивает шансы кандидата на победу, исчезает один из важных стимулов вступления в партию².

Партии в либеральных демократиях выполняют свою функцию рекрутирования политической элиты через состязательные выборы, на которых предлагают свои программы и кандидатов. В "квазидемократии" *состязательность* выборов принимает иной характер. В обществе, где не сформировались рационально-выражаемые социально-экономические интересы, различия между партийными программами отходят на задний план, уступая место таким факторам, как административная поддержка, способная, по некоторым оценкам, принести кандидату около 25% голосов, известность кандидата и избирательные технологии, арсенал средств которых продемонстрировали недавние выборы в С.-Петербурге. На основании анализа выборов в Государственную Думу 1995 г. некоторые эксперты пришли к выводу, что можно настроить на голосование за кого и что угодно до 30—40% избирателей.

На начало 1995 г. в России существовало около 400 агентств по политической рекламе и консалтингу. Агентства берут на обслуживание кандидатов разных (практически любых) партий, создают их имидж, планируют публичные выступления, снабжают новыми рекламными разработками. Они также пишут предвыборные программы, хотя, по признанию представителей этого бизнеса, программы остаются *наименее востребованными*, как кандидатами, так и электоратом³. Партийная идеология превращается во вспомогательный атрибут технологии.

Когда экономическая жизнь находится под контролем правящей системы, в которой, политическая элита не отделена от административной, инвестирование в политику становится прибыльной областью приложения капитала, создавая устойчивый спрос на власть и, соответственно, услуги избирательного бизнеса, стоимость которых постоянно растет. Следствием является *вытеснение* из

---

¹ Афанасьев М. Правящие группы России: Федерация, похожая на вассалитет // На рубеже веков. 1997. № 4. С. 16.

² Голосов Г. Поведение избирателей в России' Теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4.

³ Об этом, в частности, шла речь на конференции "Избирательный процесс: теория и практика", проходившей в 1998 г в МГУ с участием представителей этого бизнеса.

состязания кандидатов, не имеющих мощной финансовой поддержки. Выборы становятся формой борьбы за власть *в соревновательной олигархии*, а их исход определяется размерами ресурсов финансово-промышленных кланов, стоящих за кандидатами¹, административной поддержкой, оказываемой кандидатам правящим режимом, и профессионализмом их команд.

Реализация проекта модернизации политической системы посредством копирования института "классических" западных партий, но с иными целями и в ином социально-историческом контексте, привела к иным результатам. Партии в России оказались неэффективными в роли посредника между гражданским обществом и властью. Они не стали ни традиционными массовыми объединениями, апеллирующими к определенному социальному слою или конкретной группе избирателей, ни универсальными партиями избирателей послевоенного образца.

Среди всех политических институтов они устойчиво пользуются наименьшим доверием. В июне 1997 г. всего 1% респондентов заявили о полном доверии партиям, еще 4% — доверии "в известной мере", в то время как недоверие выказали 76%².

В России сложилась партийная система, не имеющая значительной социальной базы³ и предназначенная для поддержания межэлитных связей в институциональных рамках "суперпрезидентской республики". Система ориентирована на обслуживание соревновательной олигархии. На нее проецируется не структура выраженных социально-политических интересов в обществе, а фрагментация враждующих группировок, возникших на месте прежней монолитной партийно-административно-хозяйственной номенклатуры. Они просчитывают шансы претендентов на власть и, применяя различные стратегии, стремятся поддержать наиболее вероятных кандидатов, а также использовать их уже сегодня в качестве агентов влияния в борьбе с конкурентами⁴.

¹ Финансирование избирательных кампаний сегодня является преимущественно теневым.

² Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1997. № 4.

³ В выборах 1995 г участвовали 43 избирательных объединения (блока). Лишь 15 из них смогли получить поддержку не менее 1,5 % избирателей, а 16 из числа проигравших не набрали даже тех 200 тыс. голосов, которые они представили при регистрации.

⁴ Исключение составляет, очевидно, КПРФ, унаследовавшая от КПСС социальную базу в лице стабильных 20—21% избирателей, в основном, менее приспособленных к самостоятельному выживанию и живущих ниже уровня бедности. В их сознании КПРФ ассоциируется со скудным, но гарантированным благополучием, и стабильной системой социальной защиты "застойного" социализма, а их преданность КПРФ поддерживает сама система своей антисоциальной политикой, результатом которой стала такая поляризация населения по уровню доходов, какую не под силу вынести ни одной демократии.

Из всех функций партии как организации основной в "квазидемократии" становится функция *политической машины*, обеспечивающей продвижение кандидата на политическом рынке посредством мобилизации электората в его поддержку.

Сегодня главным каналом политической мобилизации общества стремительно становятся электронные СМИ. Избирательные кампании и политическая жизнь в целом воспринимаются обществом в их подаче. Люди голосуют не за партию, а за имидж того или иного кандидата, созданный специалистами PR и поданный СМИ. Он воздействует на рядового избирателя гораздо эффективнее, чем программа или реальные дела партии, особенно, когда партия, каких большинство в России, не имеет длительной истории и устойчивой репутации. Телевидение делает излишними прежние традиционные способы мобилизации, выполняя эту функцию гораздо эффективнее, и тем самым упраздняет партийную организацию, созданную для этих целей, оставляя не у дел партийных активистов. Наиболее радикальные прогнозы в связи с этим предсказывают конец века партий как "организаций единомышленников, объединенных сходством политических взглядов", на смену которым идут команды менеджеров по продвижению на рынок политического товара. В России, как и на Западе, политику становится нужной не группа амбициозных, неуправляемых и беспокойных энтузиастов и громоздкие нищие организационные структуры, а крепкая команда, которая профессионально организует всю работу по завоеванию электората. Что касается избирателей, то они из участников политического процесса все больше превращаются в потребителей закрытого политического рынка.

На Западе партии сложились как основной политической институт самоорганизации гражданского общества для ограничения свободы *laissez-faire* капитализма нормами социальной справедливости. В России оформление многопартийности *опредило* становление гражданского общества. Точки его кристаллизации скорее можно найти в растущем "третьем секторе", где на уровне "корней травы" преодолеваются отчуждение людей от происходящих в экономике и в политике процессов и социальная пассивность, воспитанная во многих поколениях советской властью.

Многопартийность в России едва ли обладает самостоятельным потенциалом демократизации, ибо сама является зависимой переменной "квазидемократической" политической системы и функционально направлена на консервацию ее промежуточного состояния между электоральной демократией и "полиархией". В отсутствии массового среднего класса, поддерживаемых обществом партий и независимого от власти местного самоуправления, составляющего на Западе низовые структуры самоорганизации общества, перспек-

тивы демократического транзита России связаны скорее с *внешними факторами* и наличием в *самой правящей элите влиятельных групп*, заинтересованных в укоренении демократических практик, чем непосредственно с многопартийностью.

Переход к демократии от авторитарных режимов стран "третьей волны" в современных условиях — это не столько ценностный, идеологический выбор, сколько необходимое условие (и следствие) высокотехнологического типа экономического роста¹. Россия стоит перед необходимостью радикального подъема уровня национального благосостояния как ключевой проблемы выживания. Западные страны решали эту проблему как задачу модернизации, опираясь на внутренние ресурсы экономики, протекционизм в международной торговле, четкое понимание суверенитета нации-государства. Сегодня высокие темпы экономического роста обусловлены прежде всего полноценным участием в мировой экономической системе, требующим либерализации национальной экономики. В обществе с открытой экономической системой не остается места для таких политических движений, как коммунитаризм и национализм, выступающих основными идейными противниками демократизации.

Высокий экономический рост через либерализацию экономики невозможен без преодоления коррупции, оздоровления государственного аппарата, укрепления политических институтов и усиления гражданского общества, т.е. без консолидации демократии. Во многих латиноамериканских странах "третьей волны демократизации" национальная бизнес-элита, неудовлетворенная крайне низкой эффективностью и коррумпированностью "квазидемократических" режимов и уровнем защиты частной собственности, делает выбор в пользу неолиберальной экономики уже с 90-х годов и начинает играть роль активного политического актора в демократических преобразованиях.

Хотя экономика России еще слабо встроена в мировую экономическую систему, ее, как и другие страны "третьей волны", неразрывно связывают с мировым либерально-демократическим сообществом множество международно-правовых, торгово-экономических, научно-технических, культурных и прочих отношений. Теснота и значение этих связей позволяет некоторым исследователям говорить о формировании "международного режима демократизации", выход из которого влечет за собой непозволительно высокие для страны издержки в виде политической и экономической изоляции и лишения экономической помощи.

В контексте взаимодействия внутренних и внешних факторов сохранение "квазидемократии" сегодня рассматривается как наи-

---

¹ Влияние международных отношений и мировой экономик на "третью волну" демократизации подробно рассматривается в: *Никитченко А.Н.* Транснационализация демократии // Полис. 1996. № 2.

более вероятная альтернатива для России на неопределенное время. Однако это не исключает возможности демократической трансформации. Общественное сознание, явно уходя от идеологизированной политики, медленно осваивает элементарные нормы демократии. Ни одна из значительных групп правящей элиты не хочет перерастания междоусобной борьбы в гражданскую войну. Если у нее хватит *стратегической компетентности* и чувства Самосохранения, можно ожидать постепенной трансформации режима в направлении укрепления государства: разделения административного аппарата, политического и экономического общества, сужения поля коррупционности, замена власти элиты властью демократических институтов и практик. Найдется ли в этом процессе место для нынешней многопартийности?

Как отмечает Ф.Шмиттер, "было бы анахронизмом думать, что партиям нынешних недемократий предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции. Даже в политиях, которые долго находились под властью авторитарных режимов и не имели в прошлом гражданского общества, граждане проявляют сегодня совсем иные организационные склонности: они менее охотно солидаризируются с узкопартийными символами и идеологией..."¹

---

¹ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Полис. 1996. № 5. С. 16—27.